

Екатерина СЛОБОДЕНЮК

Стратификация российского общества по жизненным шансам и рискам: динамика структуры и мобильность россиян

Введение

Вопросы стратификации общества, неравенства и мобильности, несмотря на давнюю традицию изучения, не теряют своей актуальности и входят в число центральных тем для социальных наук и по сей день. Недавно опубликованная монография под редакцией Д. Груски «Неравенства в XXI веке»¹ вновь напоминает, что в современных обществах различия, приводящие к неравенствам, многообразны, а значит, и анализ структурных деформаций и мобильности индивидов должен уходить от простых бинарных срезов. Иными словами, он должен быть комплексным и учитывать изменения, происходящие в различных сферах жизни². Схожей точки зрения придерживаются и российские ученые, изучающие стратификацию современного российского общества³ и присущую ему мобильность⁴.

В рамках исследования, заложенного в основу данной статьи, мы поставили перед собой две задачи: 1) отследить факты социальных перемещений россиян между структурными позициями в стратификации современного российского общества, продиктованные изменениями, происходящими одновременно в различных сферах их жизни; 2) оценить, в какой мере вся эта многоаспектная картина социальных перемещений приводит к снижению или увеличению социальных неравенств и изменению профиля социальной стратификации

в целом. Реализация поставленных задач, на наш взгляд, сможет, с одной стороны, в некоторой мере дополнить сформированное на данный момент понимание масштабов и особенностей социальной мобильности в современной России. С другой стороны, она позволит оценить устойчивость и динамику социальной стратификации, замеряемой немонетарно, так как подобные оценки, проводимые в предшествующих исследованиях, оканчиваются преимущественно 2013 г.⁵

Для решения поставленной задачи нам требовался инструмент, позволяющий учесть положение индивидов в различных социальных полях. По этой причине мы использовали веберовский подход к стратификации общества, в основе которого находятся показатели позитивной и негативной привилегированности — индикаторы, выступающие конституирующими признаками классовой ситуации в теории М. Вебера⁶. На основе анализа широкого спектра научных публикаций в области классового анализа и человеческого капитала нами⁷ была реализована операционализация критериев позитивной привилегированности («жизненных шансов») и негативной привилегированности («рисков») в различных сферах жизни человека⁸ — экономических условиях жизни, ситуации на работе, возможностях сохранения и наращивания человеческого капитала, потребления и досуге (табл. 1).

¹ Inequality in the 21st Century. Edited by David B. Grusky and Jasmine Hill. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. 488 p.

² Обзор ключевых сюжетов монографии на русском языке см.: Сушко П.Е. Социальные неравенства: старые формы — новые воплощения? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. № 19. С. 95–106.

³ Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014; Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.

⁴ Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В.В. Семенова и др.]; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

⁵ Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.

⁶ Weber M. ([1924] 1978) Economy and society (G. Roth & C. Wittich Eds.). Berkeley: University of California Press.

⁷ Методология разрабатывалась научно-исследовательским коллективом в составе Тихоновой Н.Е., Мареевой С.В., Лежниковой Ю.П., Аникина В.А., Каравай А.В. и автора данной статьи.

⁸ См. подробнее: Аникин В.А. Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146).

Таблица 1

СУБШКАЛЫ И ПОКАЗАТЕЛИ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛИ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ И РИСКАМ¹

Показатели шкалы позитивной привилегированности		Показатели шкалы негативной привилегированности	
Экономические условия жизни			
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	1	Наличие множественных или крупных долговых обязательств	
Наличие иной недвижимости при условии одновременного наличия автомобиля	2	Наличие значительных неэластичных текущих расходов (аренда жилья и т.п.)	
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	3	Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости	
Ситуация на работе			
Наличие ресурса влияния на работе	1	Неблагоприятные условия занятости	
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян (интересной и т.п.)	2	Несоблюдение на работе законодательства (отсутствие официального оформления и т.п.)	
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости (социальный пакет и т.п.)	3	Риски длительной безработицы (опыт нахождения без работы более 3 месяцев подряд)	
Возможности сохранения и наращивания человеческого капитала			
Возможность использовать платное образование для взрослых и детей	1	Недоступность необходимого образования	
Возможность использовать платные формы заботы о здоровье (медицинские и оздоровительные услуги)	2	Вероятность значимого ухудшения здоровья (работа на вредных производствах и т.п.)	
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде (многообразие целей, регулярность использования Интернета)	3	Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни (отсутствие средств доступа к ним или навыков их использования)	
Особенности потребления и досуга			
Возможность расширенного стилевого товарного потребления (число товаров длительного пользования в д/х более 1,25 медианы по населению в целом)	1	Суженный стандарт предметного потребления (число товаров длительного пользования в д/х менее 0,75 медианы по населению в целом)	
Особая комфортность жилищных условий (большая площадь занимаемого жилья при наличии в нем коммунальных удобств)	2	Плохие жилищные условия (отсутствие коммунальных удобств, общая площадь менее 12 кв. м на человека)	
Хорошие возможности проведения отпуска (проведение отпуска хотя бы раз в год вне дома и т.п.)	3	Наличие пищевых деприваций (самооценка питания как плохого, экономия на еде)	

Приведенные в табл. 1 индикаторы, заложенные в основу методологии, подразумевают значимое отклонение от распространенного и типичного для России стандарта жизни, имеют равный вес (1 балл) и, в случае позитивной привилегированности, положительный знак, а в случае негативной привилегированности — отрицательный. При этом в рамках одной сферы жизненные шансы могут компенсировать риски, и наоборот².

¹ Приводится по источнику: Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. Т. 6. № 6. С. 55–56.

² Компенсация шансов рисками может осуществляться вне зависимости от их нумерации в табл. 1.

Уникальное сочетание жизненных шансов и рисков у россиян может быть изучено как в логике вертикально-ориентированной структуры, в рамках которой индивиды располагаются от максимальной негативной до максимальной позитивной привилегированности, так и в логике горизонтально-ориентированной структуры, отражающей наиболее типичные сочетания тех или иных признаков шансов и рисков у различных социальных групп российского общества.

В рамках исследования мы следовали первой логике и анализировали суммарное значение индекса, которое варьируется от –12 баллов (ситуация максимальной негативной

привилегированности, когда у россиян присутствуют все перечисленные риски и отсутствуют жизненные шансы, которые могли бы их скомпенсировать) до +12 баллов (обратная ситуация максимальной положительной привилегированности). На основе сформированного интегрального индекса методом двухэтапного кластерного анализа были выделены гомогенные кластеры — нижняя, средняя и верхняя страты, охватывающие суммарные значения индекса в первом случае от –12 до –2 баллов, во втором — от –1 до +2 баллов, в третьем — от +3 до +12 баллов. Детальное изучение выявленных страт с точки зрения социально-экономических и социально-демографических характеристик позволило верифицировать методологию как надежную, выделяющую значимо отличающиеся между собой массовые группы российского общества, характеризующиеся схожим человеческим потенциалом, положением на рынке труда, мышлением и рядом иных характеристик их представителей¹.

Для достижения цели, поставленной в начале статьи, мы использовали данные исследования РМЭЗ НИУ ВШЭ². Выбранное исследование является панельным, т.е. позволяет, во-первых, построить стратификацию общества в разные годы по абсолютно идентичной методологии ввиду преемственности инструментария и закрытий используемых вопросов, а во-вторых, проследить за судьбами людей на протяжении ряда лет и изучить характер их перемещений между статусными позициями. Временными точками, избранными для этой цели, были: 2013 г. — для фиксации положения россиян в наиболее благоприятных социально-экономических условиях, предвещавших экономическую рецессию; 2015 и 2017 гг. — для анализа колебаний россиян в условиях ее раз-

гара и в период восстановления экономики после выхода из нее; 2018 г. — для анализа краткосрочных изменений и предоставления наиболее актуальных данных.

Выделение панельной выборки производилось на репрезентативных базах данных, при этом в нее были включены только те россияне, которые на момент 2013 г. достигли совершеннолетнего возраста. Последнее, однако, не исключало возможности анализа факта наличия несовершеннолетних в семье, так как эта информация была доступна в базах данных по домохозяйствам и также задействована в нашем анализе. В итоговую панель вошли 6169 россиян.

Для проверки качества сформированной панельной выборки было проведено сравнение конфигураций моделей стратификации на данных репрезентативных выборок за каждый год и панельной выборки (рис. 1).

Как видно из рис. 1, несмотря на значительную потерю объема выборки (составляющую практически треть от 2018 г.), силуэты стратификации российского общества, построенные на репрезентативных и панельной выборках, практически не отличаются. Мы также оценили то, насколько сохранилось качество выборки по базовым срезам — типам поселений, полу и возрасту. Отличия панельной выборки в большинстве случаев не превышали 5% и преимущественно заключались в увеличении доли лиц пенсионных возрастов и несколько большем охвате жителей сельской местности в панельной базе данных³. Все указанное выше выступило аргументом в пользу достаточно высокого качества полученной панельной выборки и возможности ее использования для дальнейшего анализа на данных 2018 г. Рассмотрим подробнее, как видоизменялась стратификация и каковы были перемещения россиян на 25-ступенчатой лестнице жизненных шансов и рисков.

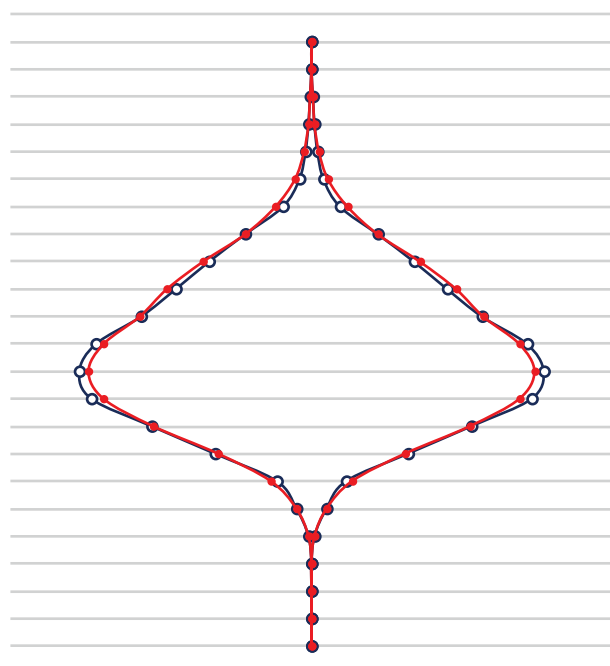
¹ Результаты подобного анализа представлены в: Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. Т. 6. № 6. С. 55–56; Мареева С.В. Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365–385; Ложнина Ю.П. Риски и возможности россиян как база социальной динамики // The Journal of Social Policy Studies. 2019. Т. 17. № 2. С. 207–222; Каравай А.В. Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019.

² Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии РАН (сайты обследования RLMS-HSE: URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rhms> и <http://www.hse.ru/rhms>).

³ Доля женщин в панельной выборке по данным 2018 г. составляла 60,5% (в репрезентативной за 2018 г. соответственно 55,4%), доля жителей областных центров, иных городов, ПГТ и сел в панельной выборке — 36,0, 24,8, 7,9, 31,2% (в репрезентативной — 40,9, 26,6, 7,0, 25,5%), доля россиян в возрастах 22–30 лет, 31–40 лет, 41–50 лет, 51–60 лет, старше 60 лет в панельной выборке — 8,8, 16,2, 18,2, 20,0, 36,8% (в репрезентативной — 18,2, 19,2, 19,6, 20,0, 23,0% соответственно). Указанная нижняя возрастная граница объясняется тем, что в панель входили только те россияне, которые достигли совершеннолетнего возраста в 2013 г.

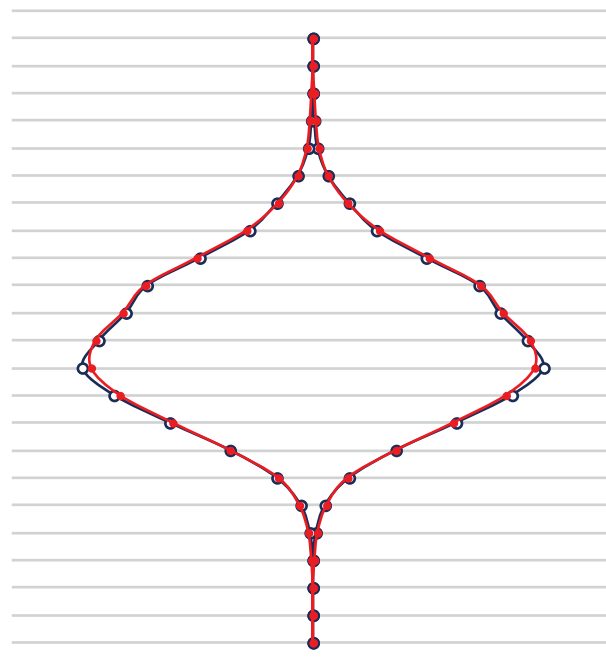
Рисунок 1

ИЗМЕНЕНИЕ СТРАТИФИКАЦИИ ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ И РИСКАМ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОЙ К ПАНЕЛЬНОЙ ВЫБОРКЕ

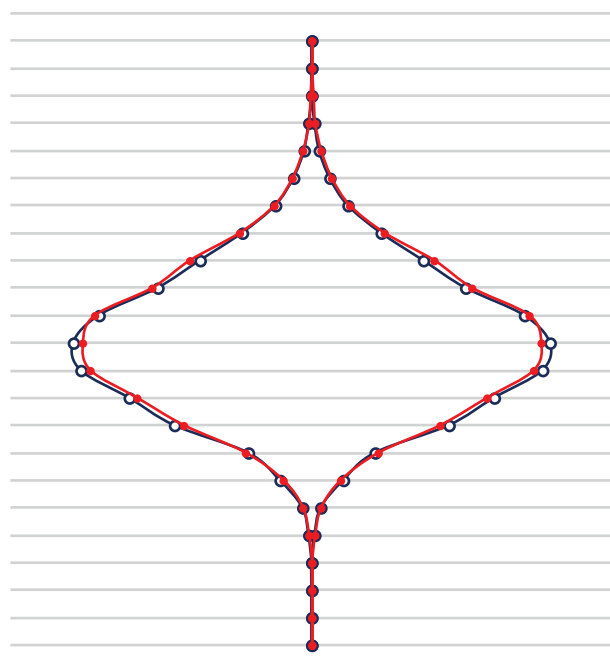
—○— 2013 г. (панельная) —●— 2013 г. (репрезентативная)

А) 2013 г.
Репрезентативная: НС 34%, СС 50%, ВС 16%
Панельная: НС 35%, СС 50%, ВС 15%
Минимум –9 баллов, максимум +11 баллов

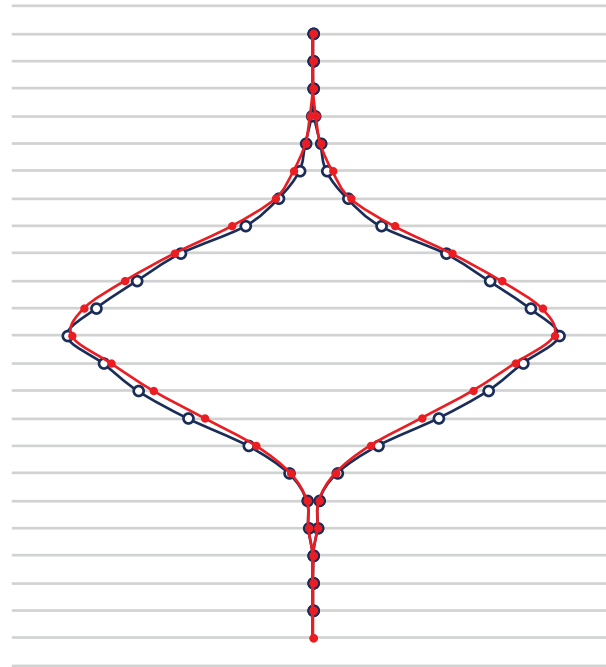
—○— 2015 г. (панельная) —●— 2015 г. (репрезентативная)

Б) 2015 г.
Репрезентативная: НС 31%, СС 53%, ВС 16%
Панельная: НС 31%, СС 53%, ВС 16%
Минимум –10 баллов, максимум +11 баллов

—○— 2017 г. (панельная) —●— 2017 г. (репрезентативная)

В) 2017 г.
Репрезентативная: НС 27%, СС 55%, ВС 18%
Панельная: НС 28%, СС 56%, ВС 16%
Минимум –10 баллов, максимум +11 баллов

—○— 2018 г. (панельная) —●— 2018 г. (репрезентативная)

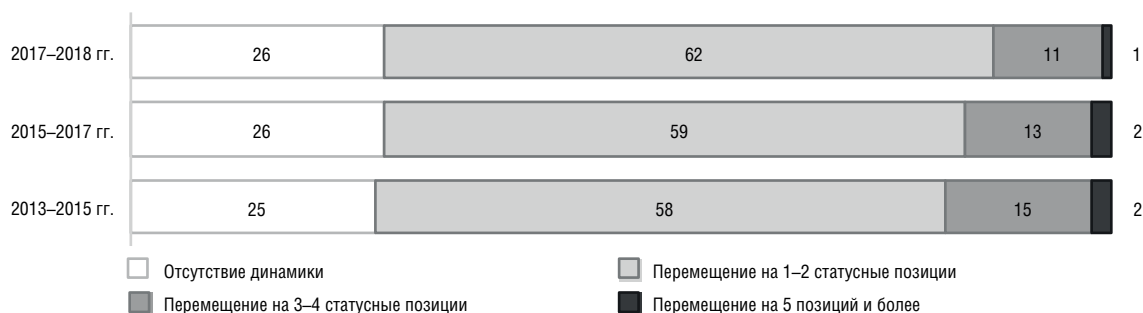
Г) 2018 г.
Репрезентативная: НС 24%, СС 57%, ВС 19%
Панельная: НС 27%, СС 56%, ВС 17%
Минимум –9 баллов, максимум +11 баллов

Динамика социальной стратификации и мобильность россиян

Вернемся к рис. 1, из которого понятно, как изменялся силуэт стратификации. Как видим, часть структурных позиций, относившихся к нижней части распределения (нижней страте), подтянулись вверх, в среднюю страту, и сконцентрировались близ медианного значения. При этом само медианное значение индекса в течение всего периода наблюдений оставалось неизменным и равнялось 0 баллов. Иными словами, сам стандарт жизни, скрытый за показателями интегрального индекса, качественным образом не изменился, однако изменилась конфигурация массовых слоев населения вокруг него. Это же прослеживается и из динамики среднего показателя, который¹ в 2013 г. составлял $-0,25$, в 2015-м — $-0,12$, в 2017-м — $+0,21$, в 2018-м — $+0,32$ балла. Повышение среднего показателя по стране происходило за счет общего повышения уровня жизни, т.е. часть динамики населения, которую мы будем рассматривать далее, была продиктована структурными факторами, повлекшими перемещение приблизительно 10% всех структурных позиций. Произошедшие изменения привели к сокращению масштабов нижней страты на треть, расширению средней страты, а на размерах верхней страты практически не сказались. Из рис. 1 видно и то, что глубина неравенств практически не претерпела изменений, а лишь немного усилилась под влиянием экономической рецессии, — не претерпели практически никаких изменений ни максимальные и минимальные значения индекса, ни наполненность полярных групп².

Рисунок 2

ДИСТАНЦИЯ СТАТУСНЫХ ПЕРЕМЕЩЕНИЙ РОССИЯН НА ИНТЕГРАЛЬНОМ ИНДЕКСЕ ЖИЗНЕННЫХ ШАНСОВ И РИСКОВ (в %)

¹ Данные приведены по репрезентативным выборкам.

² Так, доля россиян со значениями индекса от -11 до -7 баллов в 2013 г., 2015 г., 2017 г., 2018 г. составляла 0,3, 0,4, 0,2 и 0,3% соответственно, а со значениями от $+7$ до $+11$ — 0,8, 0,7, 0,9, 0,8% соответственно. Данные приведены по репрезентативным выборкам.

Несмотря на устойчивость самой стратификации, за указанными силуэтами скрывается довольно динамичное население — между любыми двумя временными точками (т.е. на интервале длиной в один или два года) приблизительно три четверти россиян меняют свою структурную принадлежность. В большинстве случаев это небольшие колебания на одну или две позиции относительно своего изначального положения. Более значимые скачки, ведущие к существенному улучшению или ухудшению жизни россиян, происходят редко — в общей сложности менее чем в 20% случаев. При этом шаги длиной в 5 и более баллов, подразумевающие потенциальную возможность перехода между верхней и нижней стратами «с запасом» хотя бы в 1 балл, встречаются чрезвычайно редко³ (рис. 2).

Указанные колебания временами приводят к переходу в более высокую или низкую страту, однако доминирующим все же является пребывание в своей страте. Так, в промежутке между 2013 и 2015 гг. 67,5% россиян остались в своей страте, у 14,0% динамика привела к переходу в более высокую страту, а у оставшихся 18,5% — к переходу в более низкую страту⁴ (в 2015–2017 гг. — 69,1, 13,6 и 17,3%, а в 2017–2018 гг. — 71,8, 12,7 и 15,5%). Таким образом, на временных интервалах длиной в один или два года не менее двух третей россиян сохраняют принадлежность к своей страте. То же самое наблюдается и на временном интервале в пять лет: простое сопоставление положения россиян в 2013 и 2018 гг. демонстрирует, что 63,9% россиян в 2018 г. остались в той же страте, 23,6% смогли ее повысить, а 12,5% — понизить.

³ Конечно, не все эти случаи скрывают за собой смену принадлежности к страте, тем более столь значимую, как переход через страту, но позволяют оценить потенциальную возможность таких скачков.

⁴ Превалирование восходящей мобильности над нисходящей объясняется указанным на рис. 1 фактом изменения силуэта стратификации.

Важно отметить, что изменения в жизни людей могут быть довольно хаотичными, т.е. далеко не всегда за приведенными цифрами скрывается последовательное однонаправленное движение в сторону улучшения или ухудшения положения. Для внесения ясности мы разграничили все случаи мобильности на четыре массовые категории: 1) **отсутствие мобильности** (когда индивид пребывал в одной и той же страте во все годы наблюдений); 2) **восходящая мобильность** (когда индивид хотя бы на одном из временных интервалов поднялся из своей страты в более высокую, вне зависимости от того, в соседнюю страту или через страту, и ни разу не спустился в более низкую); 3) **нисходящая мобильность** (по аналогии с восходящей) и 4) **разнонаправленная мобильность** (когда индивид и поднимался, и опускался в более высокие и низкие страты).

Подобная группировка опирается на данные о направлении мобильности за каждый из трех анализируемых временных интервалов, что позволяет проследить специфику передвижений россиян более детально. Использование такого среза позволило выявить, что случаи устойчивой восходящей мобильности охватывают 10,5% россиян, устойчивой нисходящей — 20,1%, а полного отсутствия мобильности — 41,8%. Четверть же населения (27,6%) демонстрировала разнонаправленные перемещения между стратами.

Одновременный учет и информации о дальности перемещений (на одну или две страты), и их направления показывает то, что случаи мобильности чаще всего представлены однократным поднятием или спуском в соседнюю страту с последующим пребыванием в ней до конца периода наблюдения (табл. 2, светло-серые

ячейки). Разнонаправленная же мобильность в большинстве случаев приводит к тому, что индивид в итоге возвращается в свою страту (темно-серая ячейка соответственно).

В рамках нашего анализа мы решили сфокусировать свое внимание на тех россиянах, которые характеризовались полным отсутствием мобильности в течение всех лет наблюдений, так как они являются наиболее типичными представителями своих страт. Отметим, что внутри этой подгруппы населения в подавляющем большинстве случаев колебания вокруг структурной позиции (как и у остальных россиян) либо отсутствовали (34,3, 36,3, 36,0% в 2013–2015 гг., 2015–2017 гг., 2017–2018 гг. соответственно), либо находились в пределах 1–2 баллов (60,3, 59,1, 60,3% соответственно).

Напомним, что эта подгруппа — устойчиво пребывающие в своей страте россияне — составляет 41,8% населения страны, причем 14,9% относятся к нижней страте, 22,1% — к средней, 4,8% — к верхней. В составах своих страт осенью 2018 г. они насчитывали: 56,4% в нижней страте, 39,2% — в средней, 27,9% — в верхней. Таким образом, в наименьшей степени пополнилась новыми членами нижняя страта российского общества — часть ее представителей просто покинули ее состав за счет описанного ранее перемещения ряда структурных позиций в среднюю страту. Верхняя же страта, наоборот, из года в год характеризовалась достаточно большой нестабильностью состава. Это же прослеживается и на данных, отражающих то, в какой степени состав страты воспроизводится ее же собственными представителями предшествующего года. На временном интервале в один или два года средняя и нижняя страты воспроизводят свой состав приблизительно на

Таблица 2

ХАРАКТЕР МОБИЛЬНОСТИ РОССИЯН МЕЖДУ СТРАТАМИ ПО ЖШИР С УЧЕТОМ НАПРАВЛЕНИЯ И СИЛЫ (в %)

	Численность россиян
Разнонаправленная мобильность с понижением на 2 страты	0,1
Разнонаправленная мобильность с понижением на 1 страту	2,0
Разнонаправленная мобильность без изменения страты	22,0
Разнонаправленная мобильность с повышением на 1 страту	3,4
Разнонаправленная мобильность с повышением на 2 страты	0,1
Нисходящая мобильность с понижением на 2 страты	0,2
Нисходящая мобильность с понижением на 1 страту	10,3
Отсутствие мобильности в течение всех лет	41,8
Восходящая мобильность с повышением на 1 страту	19,7
Восходящая мобильность с повышением на 2 страты	0,5

три четверти, а верхняя страта даже на столь коротких временных интервалах обновляет свой состав более чем на половину (табл. 3).

дифференцируются по состоянию их здоровья: как плохое или очень плохое его оценивают 52,3% первых, 29,7% вторых и 4,0% тре-

Таблица 3

ВОСПРОИЗВОДСТВО СОСТАВА ГРУППЫ ЗА СЧЕТ СОБСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПРЕДЫДУЩЕГО ГОДА (в %)

	Нижняя страта	Средняя страта	Верхняя страта
Доля группы, пополнившаяся в 2015 г. своими представителями 2013 года	75	67	54
Доля группы, пополнившаяся в 2017 г. своими представителями 2015 года	75	70	56
Доля группы, пополнившаяся в 2018 г. своими представителями 2017 года	75	74	59

Опираясь на результаты приведенного выше анализа, можно сделать заключение о том, что все три страты имеют в своем составе устойчивое ядро, включающее наиболее типичных ее представителей, и своего рода периферию, представители которой колеблются на границе между стратами, то поднимаясь, то опускаясь обратно. При этом в устойчивое благополучие попадает лишь один из двадцати россиян, а в устойчивое неблагополучие как минимум каждый десятый. Рассмотрим, каков портрет этих трех устойчивых зон с точки зрения наиболее значимых социально-экономических и социально-демографических характеристик их представителей.

Устойчивое благополучие, неблагополучие и норма жизни в координатах жизненных шансов и рисков

Наиболее яркие отличия анализируемых групп приведены в сводной табл. 4. Оговоримся, что среди представителей «устойчивых зон» 35,7% являются представителями устойчивого неблагополучия, 52,8% — нормы, 11,5% — благополучия. В дальнейшем мы будем обращаться к этим данным для оценки того, насколько повышены, или, наоборот, понижены для разных категорий россиян вероятности оказаться в той или иной группе¹.

С точки зрения базовых социально-демографических характеристик стоит отметить различный возрастной состав групп. Так, более половины представителей устойчивого неблагополучия — россияне пожилых возрастов, в то время как в устойчивом благополучии их менее одной пятой группы. Доля пенсионеров по возрасту в устойчивом благополучии, норме и благополучии составляла соответственно 64,3, 51,2, 25,3%. Пенсионеры, попадающие в устойчивые подгруппы, значимо

тких. При этом такие оценки обоснованы их объективными отличиями в состоянии здоровья. Например, группа по инвалидности назначена 33,6% первых, 19,7% вторых и 12,0% третьих. Верно и обратное — шансы пенсионеров попасть в зону устойчивого благополучия вдвое ниже средних (5,5%), в зону устойчивого неблагополучия — сравнимы со средними (51,1%), а в зону устойчивого неблагополучия — повышены (43,4%). Эту отличительную черту — смещение пенсионеров с плохим здоровьем в зону рисков — следует запомнить, к ней мы вернемся чуть позже.

Вторым фактором, формирующим неравенства в этой области, выступает тип поселения. Проживание в сельской местности вдвое снижает шансы попасть в устойчивое благополучие (4,5%) и весомо повышает риски скатиться в устойчивое неблагополучие (53,4%). В поселках городского типа столь тяжелой ситуации не наблюдается — проживание в них не формирует повышенных рисков неблагополучия, а лишь расширяет шансы оказаться в устойчивой норме жизни (62,2%) и несколько снижает шансы на благополучие (6,5%). Проживание в областных центрах, наоборот, значимо снижает риски неблагополучия (22,8%) и повышает шансы на благополучие (18,7%). По этой причине практически каждый второй устойчиво неблагополучный представитель — житель села, в то время как в устойчивом благополучии более половины — жители крупных городов (табл. 4). Таким образом, типы поселений с их различными рынками труда, предложением качественной медицинской помощи и образования формируют для россиян неравные возможности на стабильную и достойную жизнь. Ответом на этот сформированный в России вызов может выступать территориальная мобильность — из сельской местности в поселки городского типа, из городов — в областные центры и города-миллионники.

¹ Здесь и далее при сравнении за 100% будут взяты исключительно россияне, характеризовавшиеся полным отсутствием мобильности.

Таблица 4

**СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
УСТОЙЧИВОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ, НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ И НОРМЫ ЖИЗНИ (в %)**

Страты по жизненным шансам	Устойчивое неблагополучие	Устойчивая норма	Устойчивое благополучие
Тип поселения			
Областные центры и мегаполисы	22,9	39,9	58,2
Иные города	21,8	25,5	24,9
Поселки городского типа	6,3	8,4	4,0
Села	49,0	26,2	12,8
Возраст			
22–30 лет	3,6	9,6	9,1
31–40 лет	9,5	13,5	29,0
41–50 лет	12,3	15,0	24,6
51–60 лет	16,8	20,6	19,9
Старше 60 лет	57,8	41,3	17,5
Пол			
Мужской	38,3	38,1	40,1
Женский	61,7	61,9	59,9
Трудовая активность			
Среди лиц моложе пенсионных возрастов: работающие	48,1	74,1	89,6
Среди лиц моложе пенсионных возрастов: незанятые	51,9	25,9	10,4
Иждивение в трудоспособных возрастах			
Временно неработающие, ищут работу	11,8	7,0	13,0
Временно неработающие, не ищут работу	43,8	31,4	13,0
Неработающие инвалиды и пенсионеры (не по возрасту)	27,8	18,0	13,0
Неработающие женщины (в отпуске декретном / по уходу за ребенком, домохозяйки)	14,8	21,5	56,5
Иное	1,8	22,4	4,5
Образование*3			
Неполное среднее	36,9 (50,5)	6,3 (7,9)	1,5 (0,0)
Полное среднее	44,4 (25,2)	31,5 (31,8)	10,1 (2,5)
Среднее специальное	16,3 (18,3)	32,1 (33,3)	11,6 (20,0)
Высшее	2,5 (6,0)	30,1 (26,9)	76,9 (77,5)
Профессия по ISCO-08*3			
1-й класс — Руководители различных уровней	0,0 (2,5)	3,9 (7,2)	17,3 (15,4)
2-й класс — Профессионалы высшего уровня квалификации (инженеры, врачи, биологи, химики, физики, архитекторы, преподаватели и пр.)	2,5 (6,2)	15,5 (23,4)	31,0 (38,5)
3-й и 4-й классы — Иные работники нефизического труда (техники, полупрофессионалы — медсестры, бухгалтеры, торговые представители, воспитатели в детских садах; работники рутинного нефизического труда — кладовщики, почтальоны и служащие сортировки, клерки по погрузкам, отправкам и пр.)	10,0 (15,3)	23,9 (24,9)	31,5 (28,2)
5-й класс — Работники сервиса и продаж (продавцы, консьержи, кассиры и пр.)	20,0 (23,9)	18,5 (13,8)	9,1 (5,1)
6–9-е классы — Рабочие различной квалификации	67,5 (51,9)	37,8 (30,5)	10,6 (12,8)
0-й класс — Военнослужащие	0,0 (0,2)	0,4 (0,2)	0,5 (0,0)
Уровень доходов			
Низкие (менее 0,75 медианных по региону)	34,9	20,0	8,1
Средние (0,75–2,0 медианных по региону)	63,3	73,4	66,2
Высокие (более 2,0 медианных по региону)	1,8	6,6	25,7
Справочно			
Трудоспособные, проживающие с несовершеннолетними детьми	32,8	50,0	59,9
Трудоспособные, проживающие без несовершеннолетних детей	67,2	50,0	40,1

Примечания:

*1 — серым цветом выделены ячейки с наибольшими значениями;

*2 — подгруппа неработающих представителей из зоны устойчивого благополучия составляла 23 индивида, отчего распределения по ней ненадежны;

*3 — в срезах по уровню образования и профессии данные приведены по всем работающим и незанятым пенсионерам.

Третьим значимым отличием, приводящим к неравенствам, в современной России выступает уровень образования: отказ от обучения в школе повышает риски неблагополучия в разы и практически полностью предопределяет попадание в зону неблагополучия (81,1%), снижает шансы даже на поддержание стандарта жизни (18,3%). Получение высшего образования, наоборот, в разы повышает шансы на устойчивое благополучие (34,5%) и существенно страхует от неблагополучия (6,6%). В результате более трех четвертей устойчиво неблагополучных — россияне с образованием не выше полного среднего, а более трех четвертей благополучных — россияне с высшим образованием (табл. 4).

Четвертым — и одним из наиболее значимых — отличием (наряду с образовательным уровнем) выступает трудовая активность. Осознанный или вынужденный отказ от работы практически исключает вероятность оказаться в рядах устойчиво благополучных (3,8%), а занятость страхует от рисков неблагополучия (18,8%). В результате в устойчивом благополучии трудоустроена лишь половина лиц трудоспособных возрастов, в то время как среди нормы жизни и благополучия таких более трех четвертей. При этом причины незанятости кроются отнюдь не в необходимости ухаживать за детьми — как видно из табл. 4, устойчиво неблагополучные россияне, находящиеся в трудоспособных возрастах, более чем в половине случаев проживают в домохозяйствах, в составе которых нет несовершеннолетних детей, в то время как в устойчивом благополучии картина обратная. Причины незанятости кроются в качестве занимаемых рабочих мест. Среди устойчиво неблагополучных 23,7% трудоустроенных не оформлены по ТК РФ (в устойчивой «норме» жизни таких всего 4,7%, а среди устойчиво благополучных их практически нет — 1,6%), т.е. они оказываются представителями теневого сектора экономики. Для сравнения отметим, что среди представителей нижней страты, характеризовавшихся «разнонаправленной» мобильностью, не оформленных по ТК РФ всего 13,3%, т.е. практически вдвое меньше, чем в зоне устойчивого благополучия. Исходя

из этого можно сделать вывод, что трудоустройство на рабочих местах «низкого качества» значительно повышает риски попасть в зону устойчивого благополучия и во многом становится отличительной чертой ее представителей. Все вышеуказанные различия приводят к качественно отличающемуся профессиональному составу групп. В устойчивом благополучии концентрируются работники тяжелого физического труда, в то время как в устойчивом благополучии — высококвалифицированного умственного или рутинного нефизического труда, причем различия вновь оказываются диаметрально противоположными.

Опираясь на данные о последнем трудоустройстве пенсионеров и их образовательном уровне (табл. 4, значения в скобках), мы можем заключить, что во времена своего трудового прошлого они занимали схожие профессиональные позиции, что было вызвано схожим и столь же сильно отличающимся уровнем их образования. Ранее мы зафиксировали весомые различия в состоянии здоровья у пенсионеров. С одной стороны, плохое состояние здоровья вынуждает пожилых тратить свой и без того небольшой нетрудовой доход на дорогостоящие лекарственные медикаменты, что отражается на возможности их поддержания иных сфер своей жизни, а значит, оно само по себе может быть мыслимо как фактор, дифференцирующий россиян по жизненным шансам. С другой стороны, данные о последнем месте трудоустройства таких пенсионеров наталкивают на предположение о том, что плохое здоровье, равно как и хорошее, становится результатом разного положения на рынке труда в прошлом.

Таким образом, анализ ключевых социально-демографических и социально-экономических характеристик демонстрирует, что повышенными рисками устойчивого благополучия на сегодняшний день обладают россияне, принимающие решение об отказе от обучения и освоения специализации (причем чем раньше это решение принимается, тем губительнее оказываются последствия), проживающие в сельских типах поселений и ввиду своего низкого уровня образования претендующие на трудовые позиции низкого качества, зачастую

не гарантирующие их трудовые права, либо вообще отказывающиеся от поиска работы. Повышенными шансами на устойчивое благополучие, напротив, обладают те россияне, которые получают высшее образование, проживают в крупных городах — областных центрах, мегаполисах, со свойственным им широким рынком труда и высокой доступностью базовых благ и услуг высокого качества, занимают позиции как минимум нефизического труда (в особенности квалифицированного умственного). При этом факт наличия детей в домохозяйстве не формирует неравенств в отношении шансов на устойчивое благополучие, хотя, как известно, он выступает значимым риском снижения уровня жизни.

В этой связи, завершая сопоставление характеристик групп, мы отметим, что стратификация по жизненным шансам и рискам во многом формируется под влиянием иных факторов, нежели стратификация по уровню жизни: уровень доходов россиян хоть и имеет значимую положительную корреляцию (коэффициент Спирмана — 0,27, значим на 99-процентном доверительном интервале), зона устойчивого благополучия лишь на треть представлена низкодходными россиянами, а зона устойчивого благополучия лишь на четверть — россиянами с высокими доходами (табл. 4). Это значит, что в устойчиво привилегированном положении по отношению ко всем остальным зачастую оказываются россияне со вполне скромными доходами, находящимися близ медианных в регионе проживания индивидов. Таким образом, устойчивое благополучие, т.е. значимое и длящееся во времени превалирование жизненных рисков над шансами, едва ли можно считать той самой повседневной реальностью, в которой на сегодняшний день проживают наши бедные граждане, равно как и богатство далеко не всегда является собой реальность, свободную от жизненных рисков.

Заключение

Опираясь на все вышеизложенное, мы можем заключить, что стратификация общества в России по жизненным шансам и рискам сформирована и устойчива. При этом особенностью ее динамики в 2013–2018 гг. был, бесспорно, положительный тренд подтягивания ряда структурных позиций, относившихся в 2013 г., к зоне рисков, т.е. нижней страте, к стандарту жизни, в среднюю страту. Вызванная внешними факторами реконфигурация ряда структурных позиций, имевшая место в весьма неста-

бильных социально-экономических условиях, привела к восходящей мобильности по жизненным шансам и рискам приблизительно 10% россиян. Мы предполагаем, что указанная динамика могла быть обусловлена особенностями социальной политики последних лет, направленной на борьбу с социальным неблагополучием и бедностью. Однако столь позитивный тренд не повлек за собой снижения глубины неравенств по жизненным шансам и рискам, и в современной России сохраняются зоны чрезвычайной негативной и позитивной привилегированности.

При этом за довольно устойчивым профилем структурных позиций скрывается динамичное население. Подавляющее большинство россиян сталкивается с ежегодными изменениями в различных аспектах жизни, что приводит к небольшим колебаниям вокруг занимаемых ими структурных позиций. Анализируемая стратификация характеризуется и довольно прозрачными границами, так как мобильность россиян между массовыми стратами присутствует, хотя и невелика по своим масштабам (охватывает не более трети россиян — тех, которым удалось пересечь границы страт и закрепиться). И чуть менее половины россиян устойчиво пребывают в своих стратах, а их повседневность характеризуется, как и у остальной части населения, лишь небольшими изменениями в уровне жизни. Эти россияне присутствуют во всех стратах и репрезентируют их типичных представителей.

На формирование таких застойных зон влияют в первую очередь особенности положения россиян на рынке труда, вызванные, с одной стороны, спецификой локальных рынков труда в сельских и городских типах поселений, а с другой — качеством того человеческого ресурса, который россияне могут предложить работодателю. Место проживания, доступность в нем образовательных и медицинских учреждений, позволяющих наращивать человеческий капитал, социально-психологическая среда, связанные между собой, усиливают эффект друг от друга, формируя зоны устойчивого благополучия и устойчивого неблагополучия.

Проживание в малой России, приводящее к формированию человеческого ресурса довольно низкого качества, а также отсутствие рабочих мест высокого качества приводят к вытеснению части россиян на низкооплачиваемые рабочие позиции, которые нередко находятся вне поля зрения легальной экономики. Такие места не предоставляют возможности

официального трудоустройства (хотя и формируют заработок), не формируют страховых накоплений, т.е. никак не страхуют работников. Занятие таких рабочих мест приводит к постоянному пребыванию в условиях неопределенности, как результат — к постоянному стрессу, неуверенности в завтрашнем дне, внешнему локус-контролю, отказу от планирования своей жизни и даже от рождения детей — шага, требующего этой самой уверенности в будущем¹. Чаще всего на таких позициях работники заняты физическим трудом, а значит, они изнашивают свой физический ресурс намного быстрее и не имеют возможности продолжать трудовую активность после выхода на пенсию, более того, вынуждены, имея в распоряжении зачастую малую величину нетрудового дохода, тратить его на восстановление утраченного здоровья либо на финансовую поддержку родственников, находящихся в столь же тяжелых обстоятельствах и не имеющих работы.

На другом полюсе российской действительности располагаются рожденные в крупных городах россияне, получившие доступ к качественному образованию, устроенные на трудовых местах высокого качества, преимущественно умственного труда, и потому предоставляющих возможность длительного трудоустройства даже после достижения пенсионного возраста. Это врачи и педагоги в вузах, ученые, крупные менеджеры, руководители крупных подразделений, архитекторы и пр.

Отличительной особенностью современного российского общества выступает то, что зона устойчивого неблагополучия в нем значимо шире зоны устойчивого благополучия, что коррелирует с результатами недавнего исследования о статусной консистентности занятого населения России². При этом тревожным является тот факт, что в зоне устойчивого неблагополучия зачастую оказываются россияне, доходы которых выше не только черты прожиточного минимума — абсолютной черты бедности (такowymi обладают три четверти ее представителей), но даже те, чьи доходы превышают относительную черту бедности (т.е. 3/4 медианных по региону среднедушевых доходов). Это значит, что в современном россий-

ском обществе присутствует не просто зона неблагополучия, но устойчивое социальное дно, объединяющее многомерно депривированных граждан, в подавляющем большинстве не попадающих в поле зрения государства, — россиян, занимающих ущемленное положение на рынке труда, и пенсионеров, «пожинающих плоды» такого положения в прошлом. Последнее является большим вызовом и для общества, и для государства, так как требует разработки мер социальной политики, направленных на нивелирование провалов рынка труда (как минимум в области контроля защиты трудовых прав работников), а также расширения доступа к социальным услугам, в первую очередь к здравоохранению и образованию. Разработка таких мер позволит не только сократить долю устойчиво неблагополучных на сегодняшний день россиян, но и предотвратить скатывание в эту тяжелую повседневность пожилых россиян в будущем.

Список использованной литературы

1. *Аникин В.А.* Социальная стратификация по жизненным шансам: попытка операционализации для массовых опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146).
2. *Каравай А.В.* Основные модели социально-экономической адаптации в разных стратах российского общества // Terra Economicus. 2019.
3. *Коленникова Н.Д.* Статусная консистентность занятого населения в современной России // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 52–63.
4. *Лежнина Ю.П.* Риски и возможности россиян как база социальной динамики // The Journal of Social Policy Studies. 2019. Т. 17. № 2. С. 207–222.
5. *Мареева С.В.* Неравенство жизненных шансов россиян в сфере баланса жизни и труда // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 324–344.
6. *Мареева С.В.* Жизненные шансы жителей столиц и провинций в массовом сознании // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 365–385.
7. *Слободенюк Е.Д.* Жизненные риски и низший класс в России // Вестник обще-

¹ О социально-психологических характеристиках представителей нижней страты см.: *Слободенюк Е.Д.* Жизненные риски и низший класс в России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. Т. 128. № 1–2. С. 43–55.

² *Коленникова Н.Д.* Статусная консистентность занятого населения в современной России // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 52–63.

- ственного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2019. Т. 128. № 1–2. С. 43–55.
8. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В.В. Семенова и др.]; отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.
 9. Сушко П.Е. Социальные неравенства: старые формы — новые воплощения? // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2019. № 19. С. 95–106.
 10. Тихонова Н.Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. Т. 6. № 6. С. 55–56.
 11. Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.
 12. Inequality in the 21st Century. Edited by David B. Grusky and Jasmine Hill. London; New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. 488 p.
 13. Weber M. ([1924] 1978) Economy and society (G. Roth & C. Wittich Eds.). Berkeley: University of California Press.